

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.029

УДК 32.327

ТЯНЬ СИНЬ

аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ КАК ЧАСТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ФАКТОРЫ РОСТА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В статье исследуется динамика и структура российско-китайской торговли как ключевого элемента стратегического партнерства двух стран в современных геэкономических условиях. Актуальность темы обусловлена беспрецедентным влиянием санкционной политики западных государств на международную торговлю и вынужденной переориентацией внешнеэкономических связей России на азиатское направление. Цель исследования – проанализировать устойчивое развитие торговли между Россией и Китаем в условиях санкций, выявить факторы роста и ограничения дальнейшего сотрудничества. Методологическую основу составляют сравнительный и статистический анализ внешнеторговых данных, институциональный подход, а также анализ международных экономических отношений. В результате показано, что товарооборот России и Китая достиг рекордных объемов (\$240 млрд в 2023 г. и свыше \$244 млрд в 2024 г.) за счет переориентации торговли и энергетического сотрудничества. Научная новизна работы заключается в комплексной оценке влияния санкций 2022 г. на структуру и динамику двусторонней торговли и в выявлении ключевых факторов, обеспечивающих ее устойчивый рост (энергетическое сотрудничество, развитие инфраструктуры, расчеты в национальных валютах и др.). Основные выводы свидетельствуют о том, что российско-китайская торговля стала важнейшим стабилизирующим фактором для экономики России в условиях санкционного давления, одновременно укрепляя стратегическое партнерство Москвы и Пекина.

Ключевые слова: российско-китайская торговля, стратегическое партнерство, санкции, международная торговля, энергетическое сотрудничество, геэкономика, устойчивое развитие, транспортные коридоры.

Введение. Актуальность исследования российско-китайской торговли в начале 2020-х годов определяется радикальными изменениями внешнеэкономической конъюнктуры под влиянием санкционной политики. Масштабные ограничительные меры, введенные США, ЕС и их союзниками против России в 2022 году, существенно трансформировали систему международной торговли, усилив процессы регионализации и переориентации торговых потоков. Санкции и разрыв традиционных связей с западными рынками стимулировали поиск альтернативных партнеров, среди которых особое место занял Китай. Китайская

Народная Республика, обладая второй экономикой мира и колоссальным промышленным потенциалом, стала для России естественным направлением перенаправления экспорта энергоресурсов и импорта необходимых товаров. В новых геоэкономических условиях двустороннее экономическое сотрудничество Москвы и Пекина приобрело стратегическое значение для обеспечения устойчивости российской экономики и реализации долгосрочных интересов Китая в ресурсной безопасности.

Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая является важной составляющей их всеобъемлющего стратегического партнерства. Еще до событий 2022 г. Москва и Пекин последовательно развивали взаимную торговлю, опираясь на политическое сближение и общность взглядов на международный порядок. Однако именно санкционная конфронтация между Россией и Западом придала новым импульс двусторонним торгово-экономическим обменам, сделав Китай крупнейшим торговым партнером России [1. С. 15]. С другой стороны, для Китая торговля с Россией хотя и выросла до рекордных объемов, но по-прежнему составляет относительно небольшую долю от внешнего товарооборота (около 5% импорта и 3% экспорта КНР) [1. С. 15-16]. Тем не менее, в обстановке геополитической напряженности экономические связи с Россией приобретают для Пекина дополнительную ценность с точки зрения диверсификации импорта энергоресурсов и укрепления влияния в Евразии.

Эволюция российско-китайского стратегического партнерства. Формирование стратегического партнерства между Россией и Китаем проходило на фоне кардинальных изменений мировой системы в конце XX – начале XXI в. Официально отношения партнерства были провозглашены в 1996 г., заложив основу для постепенного углубления сотрудничества в политической, экономической и иных сферах. Знаковым событием стало подписание в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, которым стороны закрепили принципы долговременного сотрудничества на равноправной и взаимовыгодной основе. В последующие годы партнерство последовательно наполнялось практическим содержанием. Экономическая составляющая с самого начала была одним из краеугольных камней: Китай быстро превратился в ведущего торгового партнера России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия стала важным источником сырья и энергоресурсов для китайской экономики, переживавшей период бурного роста [3. С. 35-38].

Концепция всеобъемлющего стратегического партнерства оформилась в российско-китайских отношениях к 2010-м годам, отражая высокий уровень политического доверия и широкий спектр взаимодействия. В 2019 г. лидеры двух стран провозгласили выход отношений на качественно новый этап – «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие, вступившее в новую эпоху». Это подчеркнуло особый характер двусторонних связей, которые, хотя формально и не оформлены союзническим договором, по сути, представляют собой модель тесного сотрудничества двух великих держав вне блоковых союзов [17. Р. 175]. Экономическое сотрудничество играет в этой модели роль основного

«материального стержня», на котором зиждется политическое взаимодействие. Как отмечает А.В. Лукин, устойчивое наращивание торговых и инвестиционных связей укрепляет политический тыл партнерства и снижает уязвимость обеих стран перед внешним давлением [3. С. 37].

Особое влияние на экономическое измерение партнерства оказала китайская инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), объявленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Россия изначально восприняла идею Экономического пояса Шелкового пути с осторожностью, опасаясь экспансии китайского влияния в Центральной Азии – традиционной сфере российских интересов. Для преодоления потенциальных противоречий Москва и Пекин договорились о сопряжении проектов: в мае 2015 г. было официально объявлено о начале работы по сопряжению ЕАЭС и ОПОП, что призвано было синергетически объединить евразийскую экономическую интеграцию с китайскими инфраструктурными инициативами [5. С. 78]. Предпринятые шаги позволили избежать конкуренции двух проектов и наметили общую стратегию развития транспортно-логистических коридоров в Евразии. Однако реализация идеи сопряжения продвигалась постепенно. Несмотря на декларируемую поддержку, в последующие годы не было выработано детального плана интеграции ЕАЭС и «Пояса и пути» – взаимодействие происходило по отдельным направлениям, а институциональный диалог оставался фрагментарным [5. С. 80-81]. Тем не менее, сам факт координации стратегий подчеркнул готовность России и Китая сотрудничать в выстраивании новой архитектуры экономических связей в Евразии.

Экономическое сотрудничество все более выходит на первый план в российско-китайском партнерстве по мере того, как обе страны сталкиваются с внешним давлением. После 2014 г. (воссоединение Крыма с Россией и первые санкции Запада) Москва провозгласила курс на «поворот на Восток», предполагающий приоритетное развитие отношений с азиатскими державами, прежде всего с КНР. Именно с этого периода ускорилась реализация крупных двусторонних проектов: были заключены долгосрочные соглашения по поставкам российского природного газа в Китай, начато строительство газопровода «Сила Сибири», активизировались переговоры по увеличению пропускной способности транспортных маршрутов. Китай, со своей стороны, увидел в России надежного партнера для совместного развития северных территорий и Арктики, а также дополнительный рынок сбыта инфраструктурных услуг и инвестиций. В 2010-е гг. китайские компании участвовали в ряде российских проектов – от добычи энергоносителей (доля CNPC и CNOOC в проекте «Ямал СПГ») до машиностроения (строительство заводов по сборке автомобилей и сельхозтехники в России). Эти инициативы упрочили экономический фундамент партнерства.

Запуск инфраструктурных объектов на российско-китайской границе стал конкретным результатом углубления связей. В 2019-2022 гг. были завершены долгожданные проекты строительства первых мостовых переходов через реку Амур: автомобильного моста Благовещенск-Хэйхэ и железнодорожного моста Нижнеленинское-Тунцзян. Введение в строй этих мостов значительно расширило

пропускную способность границы, облегчило транспортировку грузов и сократило логистические издержки. Эти успехи свидетельствуют, что экономическое измерение стратегического партнерства перешло от стадии деклараций к стадии практической реализации взаимосвязанной инфраструктуры Евразии. Инициатива «Полярный шелковый путь» (освоение Северного морского пути) представляет еще одно перспективное направление, где интересы России (обеспечение круглогодичной навигации) и Китая (сокращение пути для своих судов и доступ к арктическим ресурсам) совпадают.

Таким образом, к началу 2020-х годов российско-китайское стратегическое партнерство эволюционировало в комплексную систему взаимодействия, важнейшей составляющей которой стала торгово-экономическая кооперация. Экономические связи не только выросли количественно, но и встроились в широкую стратегическую повестку («Большая Евразия», сопряжение интеграционных проектов, совместное противодействие внешнему давлению). Можно констатировать, что к 2022 г. был создан прочный фундамент, позволивший партнерству выдержать новые вызовы и даже выйти усиленным из кризисных ситуаций, как показали события после введения масштабных санкций.

Динамика и структура российско-китайской торговли. В последние два десятилетия двусторонняя торговля России и Китая демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, прерывавшуюся лишь кратковременно в периоды глобальных и региональных кризисов. Если в начале 2000-х годов объем товарооборота был относительно скромным (около \$8-10 млрд в 2000 г.), то к 2010 г. он превысил \$50 млрд, а к 2014 г. вплотную приблизился к \$100 млрд. В 2010-е гг. стороны неоднократно заявляли о цели довести торговый оборот до \$200 млрд, однако достижение этого ориентировочного показателя откладывалось из-за внешних и внутренних факторов (замедление роста мировой экономики, колебания цен на сырье, санкции 2014 г. и их последствия для последующая рецессия в РФ). Тем не менее общий тренд оставался позитивным: после спада 2015-2016 гг. взаимная торговля восстановилась и обновила максимум – в 2019 г. товарооборот составил около \$110 млрд [20. Р. 48].

Новый качественный рывок произошел в 2021-2023 гг. Так, в 2021 г. на фоне постпандемического восстановления торговля РФ и КНР выросла до ~\$140 млрд, а уже в 2022 г. – до \$185-190 млрд (рост более чем на 30%). Столь резкое увеличение было напрямую связано с началом санкционного периода: в 2022 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером России, обогнав совокупный Евросоюз, а двусторонний товарооборот впервые превысил оборот России с ЕС. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2023 г. торговля России и Китая продолжила стремительно расти, достигнув исторического рекорда – около \$240 млрд. Таким образом, заявленная ранее цель \$200 млрд оказалась перевыполнена. Согласно оценкам российских источников, товарооборот РФ-КНР в 2023 г. увеличился примерно на 26% по отношению к предыдущему году. Уже в первой половине 2024 г. наблюдалось сохранение высоких показателей: по итогам года двусторонняя торговля превысила \$244-245 млрд. Фактически за двухлетний период

2022-2023 гг. объем торговли между странами вырос суммарно на две трети, что не имеет прецедентов в истории отношений.

Структура российско-китайской торговли традиционно носит взаимодополняющий характер, отражающий различия в экономических моделях двух стран. Экспорт России в Китай состоит преимущественно из сырьевых товаров и энергоносителей, тогда как импорт из Китая – это в основном продукция обрабатывающей промышленности, машины и оборудование. Данные внешней торговли подтверждают эту специфику. В 2022 г. свыше 75% российского экспорта в КНР приходилось на минеральные продукты, прежде всего на нефть, нефтепродукты, природный газ и уголь. Топливо-энергетические товары занимают доминирующую позицию: Китай превратился в одного из крупнейших покупателей российской нефти, а после запуска газопровода «Сила Сибири» в 2019 г. – и российского трубопроводного газа. В стоимостном выражении поставки нефти составляют наибольшую долю экспорта. Например, по данным китайской таможни, импорт нефти из России в КНР достиг рекордных 108 млн тонн в 2024 г. (примерно на 30% больше, чем в 2022 г.). Значительно возрос экспорт российского угля на китайский рынок: лишившись европейского спроса из-за эмбарго, российские угледобывающие компании нарастили продажи в Китай, установив исторический максимум объемов в 2023 г. Вместе с тем стоимость сырьевого экспорта подвержена влиянию конъюнктуры: снижение мировых цен на нефть во второй половине 2023 г. привело к сокращению экспортной выручки, несмотря на сохранение крупных физических объемов поставок.

Помимо топлива, важными статьями российского экспорта являются металлы и химическое сырье. Китай импортирует из РФ медь, алюминий, никель, продукцию неорганической химии, лесоматериалы и сельскохозяйственное сырье (зерно, масло, рыба). В последние годы отмечается рост поставок продовольствия и сельхозпродукции – от российского зерна и масличных культур до мяса и молочной продукции, чему способствуют снятие китайских карантинных ограничений и согласование фитосанитарных стандартов. Однако совокупная доля несырьевого неэнергетического экспорта остается пока невысокой. Структурная зависимость от энергоносителей означает, что экспортная корзина РФ в Китай слабо диверсифицирована. По оценкам, доля машинно-технической продукции в российском экспорте в КНР не превышает 5-7% и в ближайшие годы вряд ли существенно увеличится [20. Р. 69]. Это обусловлено ограниченными возможностями российской промышленности по конкуренции на китайском рынке высокотехнологичной продукции.

В противоположность этому, импорт России из Китая очень разнообразен и представлен преимущественно готовыми изделиями. Китайская экономика, являясь «мировой фабрикой», она снабжает российский рынок широкой номенклатурой товаров: от сложного оборудования и машин до потребительских товаров народного потребления. Крупнейшую статью импорта составляют машины, оборудование и транспортные средства – около 45-50% от общего объема ввоза. Так, в 2022 г. поставки машинно-технической продукции из КНР в РФ

достигли \$39,5 млрд, увеличившись на примерно 11% к предыдущему году. В эту категорию входят электроника (компьютеры, смартфоны, телекоммуникационное оборудование), промышленные станки и комплектующие, а также транспорт (автомобили, железнодорожное оборудование и пр.). Отдельно следует отметить резкий рост импорта китайских автомобилей в Россию: по сравнению с докризисным 2021 г. поставки легковых и грузовых машин из Китая выросли в 2023 г. в 8 раз [1. С. 15]. Этому способствовал уход с российского рынка западных автопроизводителей – освободившуюся нишу оперативно заняли китайские бренды. К 2023 г. доля Китая в общем импорте автомобилей в РФ превысила 70%, тогда как в 2021 г. она не превышала 10%. Помимо транспортных средств, значительную часть импорта составляют электротехнические товары и электроника (около 15%), продукты химической промышленности, текстиль, одежда и товары легкой промышленности. Китайские потребительские товары – от бытовой техники до игрушек – также прочно заняли место на российском рынке, особенно после сокращения поставок из Европы.

Структура торговли характеризуется относительно сбалансированной обменной моделью: Россия поставляет Китаю главным образом сырье, получая взамен готовую продукцию. Такая модель отражает комплементарность экономик и во многом выгодна обеим сторонам. Китай обеспечивает стабильный спрос на российские энергетические ресурсы и сырье, что особенно важно в условиях ограничения доступа России к западным рынкам. В свою очередь, российский рынок поглощает продукцию китайской промышленности, поддерживая занятость и загрузку производственных мощностей в КНР. В результате торговый баланс между странами исторически был близок к равновесию. На протяжении 2010-х годов Россия имела небольшое положительное сальдо за счет экспорта нефти и газа, но в отдельные годы фиксировался и дефицит (к примеру, в 2016–2017 гг. при относительно низких ценах на нефть импорт из Китая превышал экспорт в него). В 2022–2023 гг. торговый баланс вновь стал складываться в пользу России благодаря благоприятной ценовой конъюнктуре на энергоносители: по китайским данным, в 2023 г. импорт КНР из РФ (\$114–115 млрд) немного превысил экспорт в Россию (\$110–113 млрд). Таким образом, взаимная торговля развивается без крупных дисбалансов, что способствует ее устойчивости.

Обобщая, можно отметить, что к 2024 г. Россия и Китай выстроили рекордный по масштабам товарооборот, приближающийся к четверти триллиона долларов в год. Товарная структура при этом остается во многом традиционной: Россия выступает как поставщик преимущественно сырьевых товаров (энергоресурсы, металлы, продовольствие), тогда как Китай является поставщиком промышленной и потребительской продукции широкого спектра. Такая модель, сложившаяся исторически, в краткосрочной перспективе вряд ли претерпит радикальные изменения ввиду сравнительных преимуществ сторон. Тем не менее, перспективы дальнейшего роста торговли будут зависеть от способности расширить ее номенклатуру и повысить долю продукции с высокой добавленной

стоимостью, что связано с реализацией совместных проектов в промышленно-сти и технологиях.

Влияние санкций на развитие российско-китайской торговли. Беспрецедентный санкционный нажим на Россию в 2022 году стал поворотным моментом для ее внешней торговли и, в частности, отношений с Китаем. С начала специальной военной операции и последовавшего ужесточения санкций Россия столкнулась с резким сужением возможностей торговли с большинством западных стран. В этих условиях стратегия переориентации внешней торговли на дружественные государства перестала быть абстрактным лозунгом и воплотилась на практике с беспрецедентной скоростью. Уже в первые месяцы санкций 2022 г. Китай занял место ключевого партнера, компенсируя значительную часть выпавшего импорта и частично поглощая перенаправленные экспортные потоки России. По оценкам, всего за два года – с начала 2022 до начала 2024 г. – товарооборот РФ с КНР увеличился на 64% [15. С. 2]. Такой стремительный рост стал прямым следствием усиления торгово-экономических связей на фоне внешнего давления. Китай утвердился в роли главного поставщика промышленной и потребительской продукции в Россию, вытеснив с российского рынка многих западных конкурентов. Одновременно Россия сумела перенаправить в Китай значительные объемы своей традиционной экспортной номенклатуры – прежде всего нефти, нефтепродуктов, угля, удобрений, металлов – которые ранее ориентировались на европейский рынок.

Количественные итоги 2022-2023 гг. наглядно демонстрируют влияние санкций: хотя мировая торговля в этот период росла умеренными темпами, российско-китайский товарооборот совершил скачок на десятки процентов, компенсируя для России утраченные европейские рынки сбыта. Так, доля Китая во внешней торговле РФ подскочила с около 16% в 2021 г. до 32% к концу 2023 г. [1. С. 15]. Соответственно, доля Евросоюза за тот же период упала с примерно 38% до менее 20%. Произошла фундаментальная переориентация географии российской торговли: Китай занял место Евросоюза как основной торговый партнер России. По экспорту ситуация аналогична: если в 2021 г. на Китай приходилось около 14% российского экспорта, то в 2023 г. – свыше 25% (впервые обогнав суммарную долю ЕС). Со стороны Китая изменения менее драматичны, но заметны: Россия поднялась с 11-12-го места в списке торговых партнеров КНР до 8-го места в 2022-2023 гг. Таким образом, санкции выступили катализатором, резко усилившим взаимозависимость экономик РФ и КНР.

Важнейшим каналом влияния санкций стало перераспределение энергетических потоков. Европейский рынок, долгое время бывший основным для российского нефте- и газоэкспорта, с 2022 г. стремительно сокращал импорт из России. В результате Москва перенаправила значительную часть энергоносителей в Азию, прежде всего в Китай и Индию. Китайская Народная Республика, не присоединившаяся к санкциям, воспользовалась ситуацией для увеличения закупок по выгодным ценам (с дисконтом). В течение 2022-2023 гг. Россия вышла на первое место среди поставщиков нефти в КНР (опередив Саудовскую Аравию),

обеспечивая около 17% совокупного импорта нефти Китая. Поставки трубопроводного газа по «Силе Сибири» также ускорились: если в 2021 г. объем экспорта газа в Китай составил около 10 млрд м³, то в 2023 г. – около 16 млрд. Кроме того, Китай стал крупнейшим покупателем российского угля (более 30% российского экспорта угля уходит в КНР). Такая перенастройка позволила российскому ТЭК лишь частично смягчить удар от санкций. Для Китая увеличение закупок российских энергоресурсов означало усиление энергетической безопасности и диверсификации импорта, хотя и сопровождается зависимостью от одного поставщика и политическими рисками (давление США с требованием сократить сотрудничество с РФ).

Санкции отразились не только на объемах, но и на логистических маршрутах торговли. Традиционные транспортные коридоры через территорию Евросоюза (например, транзитные пути в Китай через Восточную Европу) были нарушены. В ответ Россия и Китай активизировали использование альтернативных маршрутов: через Среднюю Азию, Каспий и Ближний Восток (транскаспийский коридор), через российский Дальний Восток и Северный морской путь. Повысилась нагрузка на железнодорожные переходы на границе РФ и КНР – в частности, через Казахстан (маршрут Достык – Алашанькоу) и через монгольский коридор. Открытие упомянутых мостовых переходов на Амуре в 2022 г. оказалось как нельзя кстати, увеличив провозную способность восточного маршрута. Теперь грузы из провинции Хэйлунцзян напрямую поступают на российскую Транссибирскую магистраль через новый ж/д мост, минуя перегруженные погранпереходы. В 2024 г. через мост Нижнеленинское-Тунцзян ежемесячно перевозилось до 0,5 млн тонн грузов, и эта цифра растет по мере освоения маршрута. Также расширяются мощности портов Дальнего Востока России (Владивосток, Восточный) для обслуживания увеличившегося товаропотока с Китаем. Одновременно на китайской стороне модернизируются пограничные терминалы, создаются новые логистические центры, ориентированные на российское направление.

Финансовые ограничения и расчеты в национальных валютах – еще один важный аспект влияния санкций. Отключение ряда российских банков от системы SWIFT, заморозка резервов и долларовых корреспондентских счетов вынудили Россию ускоренно перевести внешнюю торговлю на альтернативные валютно-финансовые механизмы. Уже в 2022 г. более 50% расчетов в торговле с Китаем стали осуществляться в рублях и юанях, а к концу 2023 г. доля национальных валют превысила 80-90%. Практическим следствием стало расширение инфраструктуры для таких расчетов: Банк России и Народный банк Китая заключили соглашения об обмене финансовой информацией, банки двух стран подключаются к китайской системе межбанковских платежей CIPS. Крупнейшие российские компании (Газпром, Роснефть) полностью перешли на получение оплаты от китайских партнеров в юанях или рублях. Это формирует новую финансовую экосистему двусторонней торговли, менее зависимую от западных платежных систем и более устойчивую к внешнему давлению.

Следует отметить, что Китай в экономических связях с Россией, действует осторожно, стремясь не допустить попадания своих компаний под вторичные санкции США. Китайские фирмы вынужденно ограничили поставки в Россию некоторых видов продукции с американскими технологиями (например, современного полупроводникового оборудования, авиатехники) из опасений санкционных последствий [20. Р. 72]. В результате, несмотря на значительное увеличение торговли, Россия все еще испытывает трудности с получением ряда высокотехнологичных товаров – КНР не может полностью заместить западный импорт в таких чувствительных областях, как авиационные комплектующие или передовые чипы.

Заключение. Анализ показал, что российско-китайская торговля в 2022-2024 гг. стала ключевым каналом адаптации внешнеэкономических связей России к санкционным ограничениям и одновременно укрепила экономическое измерение стратегического партнерства РФ и КНР. Таким образом, торговый фактор остается фундаментом всеобъемлющего партнерства Москвы и Пекина и сохраняет свою системообразующую, несмотря на влияние негативных изменений международной обстановки. Рекордный рост товарооборота обеспечивался прежде всего расширением поставок российских энергоносителей и сырья на китайский рынок и увеличением импорта из Китая машин, оборудования и потребительских товаров, что закрепило структурную асимметрию взаимной торговли.

Устойчивость положительной динамики поддерживают энергетические проекты, развитие транспортной инфраструктуры и сухопутных коридоров, а также переход на расчеты в национальных валютах. Ограничителями дальнейшего роста выступают сырьевая концентрация российского экспорта, технологические барьеры, риски вторичных санкций и инфраструктурные ограничения. Перспективы двусторонней торговли связаны с расширением промышленной кооперации, локализацией производства и развитием новых направлений (цифровая экономика, высокотехнологичные отрасли), что может повысить добавленную стоимость сотрудничества и снизить зависимость от ценовой конъюнктуры сырьевых рынков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С. Предварительные итоги внешней торговли России в 2023 году: динамика и география торговли // Мониторинг экономической ситуации в России. 2024. № 1 (151). С. 12-18.
2. Ли Н. Российско-китайская торговля в условиях глобальных трансформаций мировой экономики // NB: Экономика, тренды и управление. 2025. № 3. С. 1-14.
3. Лукин А.В. Россия и Китай: стратегическое партнерство в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2022. 352 с.

4. **Лэй Л.** Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество в условиях глобальных трансформаций мировой экономики // Управление. 2024. № 2. С. 194-200.
5. **Скриба А.С.** Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 3. С. 67-81.
6. **Степанова Я.Д.** Анализ стратегического партнерства России и Китая в современных условиях // Вестник Московского университета международных отношений. 2024. № 3. С. 85-96.
7. **Ц Юэ.** Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: выбор стратегии и правовое обеспечение // Вопросы экономики и права. 2025. № 7. С. 45-57.
8. **Цзиньлин Я.** Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в контексте новой модели развития Китая: состояние и факторы роста // Вопросы экономики и управления. 2025. № 4. С. 72-88.
9. **Astrov V.** Russia Is Shifting Its Foreign Trade Massively towards China // Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw) Research Report. 2024. № 695.
10. Carnegie Endowment for International Peace. What Are the Limits to Russia's «Yuanization»? Washington, DC: Carnegie, 2024.
11. Council on Foreign Relations (CFR). China-Russia Relations: Background and Recent Developments. New York: CFR, 2025.
12. CSIS (Center for Strategic and International Studies). CRINK Economic Ties: Uneven Patterns of Collaboration. Washington, DC: CSIS, 2025.
13. General Administration of Customs of the People's Republic of China. China-Russia Trade Statistics 2023-2024. Beijing: GACC, 2025.
14. **Glazyev S.Yu., Wang Wen, Arkhipova V.V. и др.** Расчеты в национальных валютах между Китаем и Россией в постпандемийную эпоху: современное состояние, вызовы и перспективы // Экономические стратегии. 2020. № 8. С. 2-14.
15. Index-1520. Торговые и транспортно-логистические связи России и Китая: аналитический обзор. Москва: Индекс-1520, 2025.
16. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Navigating Global Divergences. Washington, DC: IMF, 2023.
17. **Kaczmarek M.** China-Russia Partnership: An Axis of Revisionism? // International Affairs. 2020. Vol. 96. No. 1. P. 173-191.
18. OECD. Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2023: Update on the Impact of the Russia-Ukraine Crisis. Paris: OECD Publishing, 2023.
19. ORF (Observer Research Foundation). A Decadal Review of Russia-China Economic Relations. New Delhi: ORF Issue Brief, 2025.
20. **Revenko N.S.** Russia-China Trade: State, Trends, Prospects // Russian Foreign Economic Journal. 2023. № 2. P. 47-61.
21. **Rudakova E., Pavlova A., Antonov O., Kuntsevich K., Yang Y.** Economic Prospects of the Russian-Chinese Partnership in the Logistics Projects of the Eurasian

Economic Union and the Silk Road Economic Belt // Journal of Eurasian Economic Integration. 2021. Vol. 4. P. 33-48.

22. **Simola H.** Russia's Ever-Increasing Economic Dependence on China. Helsinki: Bank of Finland Institute for Emerging Economies (BOFIT), 2025. 36 p.
23. SWP (Stiftung Wissenschaft und Politik). Russia-China Economic Relations. Berlin: SWP Research Paper, 2024.
24. UN Comtrade Database. International Trade Statistics: China Exports to Russia. United Nations, 2025.
25. World Bank. Russia Economic Report. Washington, DC: World Bank, 2023.

TIAN XIN

Postgraduate Student, Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia

RUSSIAN-CHINESE TRADE AS PART OF A STRATEGIC PARTNERSHIP: SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GROWTH FACTORS UNDER SANCTIONS

This article examines the dynamics and structure of Russian-Chinese trade as a key element of the two countries' strategic partnership in the current geoeconomic environment. The relevance of this topic stems from the unprecedented impact of Western sanctions on international trade and the forced reorientation of Russia's foreign economic relations toward Asia. The objective of this study is to analyze the sustainable development of trade between Russia and China under sanctions and to identify the growth factors and limitations of further cooperation. The methodological basis is a comparative and statistical analysis of foreign trade data, an institutional approach, and an analysis of international economic relations. The study shows that trade between Russia and China has reached record levels (\$240 billion in 2023 and over \$244 billion in 2024) due to trade reorientation and energy cooperation. The research's novelty lies in its comprehensive assessment of the impact of the 2022 sanctions on the structure and dynamics of bilateral trade and its identification of key factors ensuring its sustainable growth (energy cooperation, infrastructure development, settlements in national currencies, etc.). The key findings indicate that Russian-Chinese trade has become a crucial stabilizing factor for the Russian economy amid sanctions pressure, while simultaneously strengthening the strategic partnership between Moscow and Beijing.

Key words: Russian-Chinese trade, strategic partnership, sanctions, international trade, energy cooperation, geoeconomics, sustainable development, transport corridors.